

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ДОНЕЦКИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Шокотько Лариса Евгеньевна

**СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА (ЧАСТИЦЫ И СОЮЗЫ)
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной
степени кандидата филологических наук

Донецк – 2017

Работа выполнена на кафедре общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет», г. Донецк.

Научный
руководитель:

Калинкин Валерий Михайлович
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
ГОУ ВПО Донецкого национального
медицинского университета имени М. Горького

Официальные
оппоненты:

Петров Александр Владимирович
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой русского, славянского и
общего языкознания ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени
В. И. Вернадского»;

Бражник Лена Мирзояновна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры лингвистики ГОУ ВПО «Донецкий
педагогический институт».

Ведущая
организация:

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-
педагогический университет»

Защита состоится « ____ » _____ 2017 года в __ часов на заседании диссертационного совета Д 01.020.05 при Донецком национальном университете по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, филологический факультет. Тел.: +3 (8062) 302-92-33, факс: +3 (8062) 302-07-49. e-mail: dis.d0102005201@yandex.ru

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Донецкого национального университета по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 года.

Учёный секретарь

диссертационного совета Д 01.020.05

Сенчина Л. Т.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

“Большая жизнь” многих частиц (за исключением формообразующих и отрицательных) начинается в XVII веке. Это объясняется спецификой их семантики: в большинстве своем они служат для выражения “субъективно-модальных характеристик и оценок сообщения”, “характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления” (АГ-80) «Житие протопопа Аввакума», ставшее одним из основных текстов, привлечённых к исследованию частиц в русском языке XVII века, было написано живым “природным языком”, представляло собой скорее развернутую автобиографию, чем традиционный для древнерусской литературы жанр жития. Не ограничиваясь сухим, “протокольным” перечислением фактов, “неистовый протопоп” вносил в свои сочинения экспрессию, которая определила стиль его произведений: события, люди, их поведение, речь, собственная личность описаны ярко, эмоционально, не сторонним наблюдателем, а активным участником происходящего. Бунтарский дух, полемическая заострённость, которыми проникнуто творчество Аввакума, требовали новых средств выражения: его речь изобилует вульгаризмами, особенно когда он говорит о своих противниках, он вводит в повествование “диалектические особенности своего родного григоровского говора” (Н. К. Гудзий), активно использует частицы, вносящие множество дополнительных значений.

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью частиц, особенно в историческом аспекте, а во-вторых, необходимостью по возможности разграничить частицы и другие служебные слова (союзы и предлоги), дать более полное и чёткое описание значений, вносимых ими в контекст.

Степень разработанности. Хотя за последние два-три десятилетия появилось некоторое количество специальных исследований частиц, в том числе посвящённых какой-либо одной из них, этот класс слов остается недостаточно изученным. И если вопрос об отнесённости других служебных слов (предлогов, союзов и междометий) к той или иной части речи можно считать в основном решённым, то “частицы как особая часть речи представляют собой самую неопределённую по составу группу слов. Ни одно из существующих определений не только не очерчивает достаточно чётко их границ, но, наоборот, открывает эти границы: полунаречия, полусоюзы, модальные слова, даже морфемы попадают в круг частиц” (Е. А. Стародумова). Нет единства и в определениях частиц. В. В. Виноградов квалифицировал частицы как “классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного

рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных отношений)”. По определению Е. М. Галкиной-Федорук, “частицами называются незначительные слова, которые 1) служат для выражения дополнительных смысловых оттенков отдельного слова, словосочетания или целого предложения; 2) служат средством выражения эмоций; 3) выполняют роль аффиксов при словообразовании” (Е. М. Галкина-Федорук). Существуют расхождения во мнениях и по вопросу дифференциации частиц, союзов и междометий. Т. М. Николаева считает, что «даже в современном русском языке мы не можем чётко отличить союз от частицы, частицу от наречия, частицу от междометия, частицу от местоимения (всегда находятся „гибридные классы” (Виноградов, 1972), “переходные классы”: частицы-союзы, частицы-наречия, частицы-вводные слова (АГ-80. т. 1, с. 730), “гибридный союз” (Иванова), “союзные частицы” (Шведова) и т. д.» (Т. М. Николаева, 1985). А. Н. Гвоздев, напротив, полагал, что синтаксические функции частиц “резко отграничены от функций предлогов и союзов, именно: в противоположность им частицы не выражают связей и отношений между словами, благодаря чему они нередко противопоставлялись союзам и предлогам как несинтаксические служебные слова синтаксическим” (А. Н. Гвоздев, с. 422). Бесспорно лишь то, что

- 1) языковая единица, соединяющая части сложного предложения или “равноправные части” (Д. Н. Овсянко-Куликовский) является союзом;
- 2) частица сама по себе, как отдельно взятое слово, не имеет самостоятельного значения. Она не имеет и того общего значения “усиления”, “выделения”, “ограничения”, “отождествления” и т. д., “которое обычно приписывается ей как слову, принадлежащему к тому или иному разряду внутри общей категории частиц”. В толковании значений частиц также нет единства. В словарных статьях, посвящённых частицам, с одной стороны, даётся слишком общая характеристика, которая не отражает всего многообразия выражаемых ими значений, с другой, часто отсутствует общее значение слова.

Целью работы является изучение семантических и функциональных особенностей усилительных и выделительно-ограничительных частиц с учётом их “союзных функций” и морфологических трансформаций в русском языке XVII века.

Намеченная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Извлечение полного корпуса контекстов с усилительными и выделительно-ограничительными частицами из отобранного для исследования материала.
2. Многофакторный анализ минимальных контекстов, достаточных для функционально-синтаксической квалификации частиц и определения их семантики.
3. Описание основных функций частиц и условий их употребления.

4. Выявление и описание дополнительных значений, вносимых частицами в высказывание.
5. Описание функционально-грамматических и семантических свойств слов, относящихся к так называемым “переходным классам”.

Объект исследования – служебные слова (частицы и союзы) русского языка XVII века.

Предмет исследования – функционально-семантические особенности усилительных и выделительно-ограничительных частиц и их морфологических трансформаций как представителей категории служебных слов русского языка XVII века.

Материалом исследования являются произведения древнерусской литературы XVII века: житийная литература («Житие протопопа Аввакума»; «Житие Епифания»), поучения («Поучение аввы Дорофея о любви и обращении Аввакума к “питомникам церковным”»; «О трёх исповедницах слово плачевное»; «Книга толкований и нравоучений»; «Книга бесѣд») богословские сочинения («Книга обличений или Евангелие Вечное»; «Снискание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека»); частная и деловая переписка («Челобитные, письма, послания»; «Переписка Ф. П. Морозовой с Аввакумом и его семьёй»; «Письма Е. П. Урусовой»), памятники письменности («Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край»; «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия»; «Акты писцового дела (1644 – 1661 гг.)»), литературные произведения и “журналистика” («Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков»; «Сочинения царя Алексея Михайловича»; «Вести-куранты 1642–1644 гг.»).

Научная новизна исследования состоит, во-первых, в привлечении к анализу произведений древнерусской литературы XVII века (сочинений протопопа Аввакума, поучений, памятников деловой письменности и т. д.) на этапе бурного развития и демократизации русского литературного языка, а во-вторых, – в попытке найти функционально-грамматические и семантические параметры собственно частиц в так называемых “переходных классах”: частицах-союзах, частицах-наречиях, частицах-вводных словах.

Теоретическое значение работы заключается в целостной разноаспектной характеристике функционально-семантических свойств группы служебных слов, преимущественно проявляющихся в роли частиц в русском языке XVII века, т. е. в период завершения формирования национальных вариантов восточнославянских языков.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности применения результатов исследования в лексикографии при толковании служебных лексем с учётом взаимовлияния контекста и дискурсивных слов, а также в возможности использования основных положений и результатов исследования в преподавании курсов истории языка, лексикологии и лексикографии.

Методы исследования обусловлены его целями, задачами и анализируемым материалом. В работе используются описательный, компонентный и структурный методы. Анализ функционально-грамматических и семантических свойств частиц проводился на материале произведений древнерусской литературы различных жанров. Кроме традиционных методов, в исследовании использовалась электронная база данных (MS Access), в которой собирались и обрабатывались примеры употребления частиц с привлечением контекстов различного уровня сложности и протяжённости. В структуре базы данных была предусмотрена возможность для анализа основных и дополнительных значений частиц, а также их позиционных характеристик.

Положения, выносимые на защиту: 1) трудности, связанные с отнесением анализируемых слов к той или иной части речи, обусловлены не столько их реальными свойствами, сколько особенностями предложенных разными учёными классификаций; 2) нормальным состоянием слов с семантикой частиц речи является постоянный лексигенез – непрерывное движение в пространстве вспомогательных средств выражения различных семантико-синтаксических отношений между компонентами высказывания 3) для отражения в словарных статьях реальной динамики семантико-синтаксических свойств вспомогательных средств с семантикой частиц речи необходима разработка специальной теории лексикографии.

Достоверность исследования обеспечивается применением методологически оправданных методов, приёмов и способов описания лексических единиц, а также надёжностью источников привлечённого к исследованию материала: анализ осуществлялся на текстах, подготовленных и изданных Академией наук СССР.

Апробация результатов исследования осуществлена на 10 конференциях, из них – на 8 международных.

1. V Некрасовские чтения. Современное прочтение Н. А. Некрасова. – Ярославль, 1990.
2. Вторая Международная периодическая научно-практическая конференция «Спецпроект: анализ научных исследований». – Днепропетровск, 2005.
3. Міжнародна науково-практична конференція «Розвиток наукових досліджень 2005». – Полтава, 2005.
4. Вторая Международная периодическая научно-практическая конференция «Альянс наук: учёный – учёному». – Днепропетровск, 2005.
5. «II Міжнародна науково-практична конференція «Дні науки – 2006». – Днепропетровск, 2006.
6. II Міжнародна науково-практична конференція «Сучасні наукові дослідження – 2006». – Днепропетровск, 2006.
7. XV Международная научная конференция им. проф. Сергея Бураго (19–23.06.2016). – Киев, 2006.

8. Международная научно-практическая конференция «Современные направления теоретических и прикладных исследований – 2010». – Одесса, 2010.

9. Международная научная конференция им. проф. Сергея Бураго (24–27.06.2013). – Киев, 2013.

10. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 23 августа 2013 г. – Краснодар, 2013.

Публикации. Основные положения и результаты исследования освещены в 23 публикациях, в том числе в 10 статьях, опубликованных в изданиях ВАК Украины и 8 тезисах докладов на научных и научно-практических конференциях.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трёх глав, общих выводов, списка литературы и использованных источников иллюстративного материала.

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, определяются цели и задачи анализа функционально-семантических свойств изученных слов, описываются предмет и материал исследования.

Первая глава **«Из истории изучения и развития теории частиц как разновидности служебных слов»** состоит из двух разделов. В разделе «Краткий очерк изучения частиц в русском языкознании до возникновения сравнительно-исторического метода» излагаются взгляды авторов грамматик XVI–XVIII вв. Вплоть до второй половины XVIII века, до выхода в свет в 1755 году «Российской грамматики» Михаила Ломоносова, главными (и наиболее полными) руководствами по русскому языку оставались: «Грамматика словенска совершенна искусства осми частей слова», составленная Лаврентием Зизанием (1596 г.), и «Грамматики славенския правильное синтагма», составленная Мелетием Смотрицким (1619 г.). Общим для них является то, что большинство частиц относилось либо к союзам, либо к наречиям. Этой же классификации на протяжении трёхсот лет придерживались и другие лингвисты, вплоть до того времени, когда в 1899 году А. В. Добиаш выделил частицы в отдельную категорию.

Свою грамматику М. В. Ломоносов разделил на шесть глав, которые назвал «наставлениями». Пятое «наставление» он посвятил характеристике служебных частей речи. Принято считать, что Ломоносов разграничивал знаменательные и служебные слова, однако в категорию служебных, или «вспомогательных» слов, кроме предлогов, союзов, междометий, он включал местоимения, причастия и наречия. Частицы приписывались либо к наречиям, либо к союзам, а некоторые включены в разряд «удивительных междометий» (*тото, тото на, вотъ тото*). Все последующие грамматики (Н. Г. Курганов, А. А. Барсов и др.), вплоть до начала XIX века, в той или иной степени составлялись под влиянием грамматики М. В. Ломоносова.

Во втором разделе «История изучения частиц в сравнительно-историческом языкознании» освещаются современные теории частиц. С

возникновением в начале XIX века сравнительно-исторического языкознания начался новый этап в развитии лингвистики, в том числе и в изучении частей речи. Появились работы Ф. Боппа, Р. Раска, А. Х. Востокова, Я. Гримма, Ф. И. Буслаева, которые оказали значительное влияние на русскую грамматическую традицию. В 1899 г. А. В. Добиаш впервые выделил частицы в отдельную группу слов.

Во второй главе «Усилительные частицы» анализируются лексико-семантические свойства частиц *и, же, да, ведь, бо, вот*, выявленные при анализе литературных текстов XVII века, приводятся лексикографические описания. В первом разделе «Русская словесность XVII века как источник исследования частиц» охарактеризованы произведения древнерусской литературы XVII века, которые были привлечены для исследования. Прежде всего это «Житие протопопа Аввакума» и другие его сочинения: беседы по вопросам церковной практики, толкования библейских текстов, поучения, богословские сочинения, «Книга толкований и нравоучений», челобитные, послания и письма. Кроме того, описаны некоторые другие памятники письменности XVII века, использовавшиеся в исследовании: «Житие Епифания», «Акты писцового дела (1644 – 1661 гг.)», «Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край», «Повесть об Азовском осадном сидении» и замечательный памятник древней русской журналистики «Вести-куранты 1642–1644 гг.».

Во втором разделе «Усилительные частицы в русском языке XVII века» кратко излагается история изучения усилительных частиц русскими учёными, начиная с Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Учтены мнения М. В. Ломоносова, А. А. Барсова, Ф. И. Буслаева, А. М. Пешковского, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. А. Шахматова и других учёных, рассматриваются основные значения частиц, описанные в словарных статьях наиболее авторитетных изданий, в том числе «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

В третьем разделе «Усилительные частицы в словесности XVII века. Морфология» даны их позиционные характеристики, учтены и представлены также союзные функции. Усилительные частицы находятся, как правило, в препозиции к слову, значение которого усиливается или выделяется, причем частицы могут употребляться как контактно, так и дистантно. Исключение составляет частица *же*, которая всегда находится в постпозиции к выделяемому слову. Здесь же рассматриваются различные нюансы усилительного значения отдельных частиц. Частицы охарактеризованы в алфавитном порядке, а внутри каждого из описаний отдельно рассмотрены их узусальные функции, синонимическая парадигма (если таковая сформировалась в процессе развития языка), смешанные функции (частица + союз) и союзные функции частиц.

Так, частица *бо*, многозначная, как и большинство усилительных частиц, обладала способностью к контекстной синонимии, а также выполняла

союзную функцию. Основной функцией **бо** как частицы являлась усилительная. Употребляясь практически со всеми частями речи, она подчёркивала, усиливала их значение. В словаре русского языка XI–XVII вв. частица представлена как синонимичная **же** и **ведь**. Обладая способностью совмещать различные функции (усилительную с союзной), **бо** сохраняла собственно усилительное и выделительное значение, актуализируя значение принадлежности, вносила значение количественной или качественной характеристики объекта, вводила предложение, поясняющее мысль, содержащуюся в предыдущей части высказывания. Функция союза **бо**, в отличие от синонимичных ему **же** и **ведь**, способных выполнять аргументативную функцию, о которой будет сказано ниже, ограничивалась тем, что он присоединял предложения, представляющие собой лишь изложение фактов, поясняющих, подтверждающих истинность предыдущего высказывания, служащие обоснованием или подкреплением мысли, высказанной ранее.

Частица **вот** акцентировала внимание на последующем высказывании, выделяя его из общего контекста. Частица **вотъ** 1) вводила предложения, аргументирующие необходимость или, наоборот, невозможность совершения каких-либо действий или поступков; 2) указывала на причину, основание предшествующего утверждения.

Однако функция частиц не сводилась только к усилению выразительности высказывания. Частицы **вот** и **да** выполняли следующие функции: 1) открывали прямую речь; 2) вводили предложение, указывающее на завершение / начало повествования или его части (частица **вот**); 3) отмечали переключение автора с одной мысли на другую. Кроме этого, в зависимости от контекста частицы также могли совмещать различные функции. В частице **же** отчётливо прослеживались следующие “семантические комбинации”: а) выделительное значение, соответствовало **ведь**; б) союзная функция: частица соединяла предложения, находящиеся в причинно-следственной зависимости. В этом случае значение частицы соответствовало значению союза **потому что**; в) собственно усилительное значение. Кроме этого, **же** могла совмещать аргументативное, побудительное и присоединительное значения: *На обещании в Соловецком м(о)н(а)ст(ы)рѣ въ попы ставили, и ты не стал, и в монастыре не жилъ, и пустыню оставилъ; тер'ни же н(ы)нѣ, окаянной, всякую бѣду, и горестъ, и досаду таемничную*” (ЕЖит, с. 130).

Аналогичные функции выполняли частицы **ведь** и **бо**, которые 1) сохраняли собственно усилительное и выделительное значения, актуализируя значение принадлежности; 2) вносили значение количественной или качественной характеристики объекта; 3) вводили предложение, поясняющее мысль, содержащуюся в предыдущей части высказывания: *Не дивно бы ми было, о(т)че с(вя)тый, аще бы ми послал б(о)гъ оленя, или соболя, или лисицу драгую, или ин звѣрь: то бо их дом и жилище. Бѣ бо лѣсу на всѣ страны по*

сту версть есть и бол(ь)ше; <...> (ЕЖит, с. 115); *Простите мя, о(т)цы с(вя)тии и братия! Согрѣшил я: много **веть** я мурашей тех передавил, <...>* (ЕЖит, с. 91). Кроме того, *ведь* могла вводить контраргументацию: в этом случае части предложения связывали отношения противопоставления: *За что ты, с(ы)не б(о)жий, попустил таково бол(ь)но убит(ь)-тово меня? Я **веть** за вдовы твои сталь!* (АЖит, с. 30).

Отмечены многочисленные случаи употребления усилительной частицы *же* в функции сопоставительно-противительных союзов *а, но*, однако вряд ли её можно однозначно квалифицировать как противительный союз, она как бы смещала акцент с предложения на слово, непосредственно после которого стоит, и уже это слово несло модальный акцент: *До Василия пояху во ц(е)ркви а||нг(е)льская рѣчи: “Аллилуя, аллилуя, аллилуя!”*. *Егда **же** бысть Василий, и повелѣ пѣти двѣ анг(е)льская рѣчи, а трет(ь)ю – ч(е)л(ов)ѣческую <...>* (АЖит, с. 15).

Побудительная частица *же* синонимична частицам *да, пусть*. Для побудительных предложений с *же* характерен фиксированный порядок слов: частица располагается сразу после императива. Побуждения с *же* выражали: 1. Повторную просьбу, причём первоначальная могла иметь как эксплицитное, так и имплицитное выражение. 2. Начальное побуждение, которое не обязательно имело эксплицитное выражение – оно могло предполагаться ситуацией. 3. Иногда употребление *же* кажется немотивированным. Очевидно, в таких случаях единственной функцией частицы являлась усилительная.

В сочетании с повелительным наклоном глагола частица *же* и синонимичные *да, вотъ* усиливали значение глагола и экспрессивную окраску всего предложения, подчёркивая 1) настоятельность просьбы, важность её для говорящего; 2) побуждение к действию, необходимость совершения его. Частица также вносила значение следственной обусловленности.

Кроме того, являясь неотъемлемым элементом сакральных формул, частица *да*, с одной стороны, функционировала как модальная, придавая высказыванию патетическое звучание, с другой – выполняла формообразующую функцию (синонимична частице *пусть*) или союзную (синонимична целевому союзу *чтобы*). Собственно усилительная частица *да* употреблялась в начале предложения для придания высказыванию большей силы, выразительности или внутри предложения перед сказуемым / группой сказуемого для усиления их значения:

Во втором разделе описываются дискурсивные функции частиц, которые тесно связаны с их союзными функциями. Дискурсивные (аргументативные) функции выполняли в основном частицы *же, ведь, бо*. Кроме этого, *же* выполняла сопоставительную функцию: сопоставляться могли актанты (субъекты и объекты) и действия. Частица могла 1) связывать разные актанты: *От(е)ць мой прилѣжаши пития хмел(ь)нова, мати **же** моя*

постница и м(о)л(у)твеница бысть, <... > (АЖит, с. 17); 2) маркировать разные вхождения одного и того же денотата: *<...> Тъ-то евреи словуть по давешнему Еверу, онъ же израилтяня словуть по Иякову. <...> Да онъ же словуть иудѣи, <... >* (АСоб, с. 111); 3) в отличие от современного русского языка, частица **же** маркировала тождество действий или состояний, употребляясь после глаголов, в этом случае речь могла идти а) о сопоставлении и даже о явном противопоставлении; б) о действиях различных, но не противопоставленных друг другу.

Исследование контекстов употреблений лексемы позволило выявить следующие основные сферы её проявления: 1. **Же** сопоставительное: Частица выполняла сопоставительную функцию и семантически сближалась с союзами **а, но**, иногда – **и**. Могли сопоставляться а) различные предметы: *На встх дамаших ужас нападе, <... > Аз же без испра||вления приступил к нему <...>* (АЖит, с. 65); б) события: *<...> у нас в Соловецком м(о)н(а)стырь с(вя)тии о(т)цы и братия начаша тужити и плакати горко < . > Паче же встх прежреченный Мартирий-с(вя)щенноинокъ обливашея горкими многими слезами < . >* (ЕЖит, с. 82); в) некое потенциальное множество и единичный элемент: *Ковчег же еще не совершенъ, времени на дѣло надобе 40 лѣтъ. <... > Анг(е)лъ же г(о)с(по)д(е)нъ в три дни совершилъ* (АСоб, с. 108). **Же** могла маркировать отношения противопоставления между соотносимыми текстовыми фрагментами: *И я говорю: “Мы уроди Х(рист)а ради! Вы славни, мы же безчестни! Вы сил(ь)ни, мы же немощни”* (АЖит, с. 54).

2. Частица-союз **же** связывала высказывания, не противопоставленные друг другу, а представляющие линейно следующие друг за другом во временной последовательности события, действия.

3. Высказывание с **же** не противоречило соотносимому с ним, а наоборот, развивало логику ситуации: *<...> старецъ <... > бл(а)г(о)с(ло)ви мя в кѣлию ити. Аз же со бл(аго)с(ло)вениемъ старцевымъ идох в кѣлию ту <...>* (ЕЖит, с. 83).

Аргументативную функцию выполняли частицы **же, ведь, бо**. Выявлены два варианта аргументации: “за” и “против”. Более детальный анализ показывает, что тождество аргументативных значений, передаваемых частицами **ведь** и **же**, является кажущимся. **Же** обычно вводила аргумент в пользу модификации того, о чём говорилось во введённом ранее высказывании и гораздо реже использовалась для его поддержания. **Ведь**, наоборот, чаще вводила аргумент в пользу сказанного ранее. Ср.: *Я, идучи, говорю: “Не надѣйтесь на кн(я)зя, на с(ы)ны ч(е)л(о)вѣческия, в них же нѣсть спасения”, и прочая* (АЖит, с. 47) и *Писано моею грѣшною рукою. Сколко Богъ далъ, лутче тово не умѣю. Глупъ вѣтъ я гораздо.* (АКнТолк, с. 576). **Же** вводила информацию, предполагающую прямые поведенческие следствия из неё, путём возврата к известному (*в них <... > нѣсть спасения*). Необходимость изменения поведенческой установки подтверждается первой

частью высказывания, в которую включен глагол в повелительном наклонении (*не надѣйтесь*). Предложения с *ведь* представляют собой не столько аргумент, сколько объяснение предопределяющих условий. Но в то же время частица, несомненно, выполняла аргументативную функцию (аргумент “за”). Информация, вводимая с помощью *же*, известна или очевидна. Напротив, *ведь* актуализует отсутствующий у слушающего элемент информации, обуславливающий выбор.

Введение высказываний с *ведь* предполагало включение данных, не только отражающих действительность, но и сообщающих о факторах, обеспечивающих а) правильную интерпретацию фактов, установление причинно-следственных связей: *Да уже тому, отче Ионо, со Фряжских книгъ книги печатають, таковы и иконы дѣлають. Нѣмцы, вѣдь, иконамъ не кланяются, токмо свои образины пишутъ;* <...> (АЧел, с. 898); б) выбор правильного сценария поведения: *Не пререкуйте же вы пред старицею-то сь Евдокіею: она вѣдь ангельский чинъ содержитъ, а вы простые бабы* <...> (АКнБес, с. 399). В отличие от современного, в языке XVII века высказывания с *ведь* значительно чаще описывали ситуации, интерпретируемые как когнитивно-поведенческие, т. е. предполагалось переосмысление ситуации и, как следствие, изменение поведенческой установки. В отличие от *же*, которое располагалось сразу после императива, *ведь* никогда не оформляло собственно побудительные предложения, а вводило информацию, подтверждающую или обосновывающую необходимость совершения какого-либо действия.

Часто ситуация, интерпретируемая как когнитивная, вводилась при помощи риторических вопросов: *“Какъ тебѣ сорома нѣтъ? Вѣтъ ты протополь”* (АЖит, с. 50). Но бывает и наоборот: ситуация воспринимается как когнитивно-поведенческая, однако текст исключает возможность трансформации поведения адресата. Это характерно для житийной литературы, точнее, для тех её фрагментов, в которых содержится обращение к “лицам божественным”, например: *“За что ты, с(ы)не б(о)жий, попустил таково бол(ь)но убит(ь)-тово меня? Я вѣтъ за вдовы твои сталь!”* (АЖит, с. 30). В данном случае обращение к “сыну божьему” исключает возможность воздействия на его поведение, принятие им решения, т. е. делает коррекцию поведения невозможной. Особое место занимают высказывания с *ведь* “пояснительным”: <...> *никоніанъ окаянный, толсть вѣдь ты! Какъ в дверь небесную вмѣститися хочешь!* (АКнБес, с. 291). Целью говорящего является не столько введение какого-либо аргумента, сколько привлечение внимания к упущенному из вида релевантному фактору.

Значительно реже *ведь* употреблялось для выражения условно-следственных отношений: *Положимъ упованіе на Христа и пречистую Богородицу* <...> *Авось бы ты умерла: вѣдь бы имъ жить же без тебя?* (АКнБес, с. 399). Ещё реже частица оформляла высказывания,

представляющие собой 1) “запрос на подтверждение” или 2) оценку ситуации. В первом случае цель говорящего – получение подтверждения высказанного предположения или же актуальности информации, которой он уже располагает: *А таки не татарка ли ево, С, родила, – тамъ-веть татарь-тѣхъ много* (АКнТолк, с. 463).

Ведь “оценочное” употреблялась для выражения и позитивной, и негативной оценки. Ср.: *Ну, господине и брате, хорошо веть Христось сказалъ! Иакъ веть слово в слово <...>* (АКнБес, с. 257) и *А Никонъ, вѣтъ, не послѣдней антихристъ, такъ – шишь антихристов, <... > изникъ в земли нашей* (АЧел, с. 894).

Несколько особняком стоит частица *и*. В рамках 5 основных её значений (*'ведь', 'же', 'именно', 'тоже', 'даже'*) можно выявить целую шкалу дополнительных. Частица *и* может участвовать в характеристике, оценке ситуации, в выражении условно-следственных, причинно-следственных, временных отношений, выполнять отождествительную, присоединительную функции, не утрачивая при этом усилительного значения, а также совмещать различные функции. Во всех случаях усилительные частицы устанавливают определённые соотношения между множеством и элементом или между двумя элементами, что сближает их с союзами: “границы частиц и союзов пересекаются, а иногда становятся очень зыбкими, текучими” (В. В. Виноградов). Союзность частиц “вытекает” из их основного значения: “Самая усилительность их, по существу дела, сближает их с союзами: всякое усиление выступает всегда на фоне чего-то неусиленного, а этот фон даётся (или предполагается) в предыдущей части” (А. М. Пешковский).

Таким образом, анализ семантики и функций усилительных частиц позволяет сделать вывод об их многофункциональности. Наряду с основным, частицы вносили множество дополнительных значений, выполняли различные синтаксические функции, а также придавали высказыванию эмоционально-экспрессивную окраску. Семантика частиц в значительной степени определялась их позиционными характеристиками.

В третьей главе «**Служебные слова с выделительно-ограничительным значением**» анализируются лексемы *только, лишь, разве* и их контаминации. Излагается история изучения частиц, приводятся различные классификации (Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого, М. В. Ломоносова, А. А. Барсова, А. Б. Шапиро и др.), а также лексикографические описания. В первом разделе «Выделительно-ограничительные лексемы в русском языке XVII века» частицы рассматриваются как транспонированные единицы языка. Здесь же даны их позиционные характеристики, рассматриваются основные проявления ограничительного значения: 1) указание на выделение какого-то одного элемента из некоего множества – значение единственности, исключительности; 2) оценка выделяемого компонента как незначительного, несущественного, ограничение его в количестве или в качестве; 3) оценка

события по его протеканию во времени; 4) ограничение действия: действие ограничено в своём проявлении и оценивается как недостаточное для данной ситуации, не соответствующее ей.

С помощью этих лексических средств из некоторого множества выделяется элемент, который либо отрицает другие элементы, входящие в это множество, либо противопоставляется им, задавая таким образом класс. Высказывание с ними обязательно связано с какой-то ситуацией, информацией, которая имела место раньше. Это предопределено самим ограничительным значением. Предложения с частицами не могут просто описывать ситуацию, никак не комментируя её. Частицы непременно добавляют некоторое “смысловое содержание, дополнительные смысловые строки”.

В контексте, порождающем ограничительное значение, обязательны два компонента: фон, на котором это значение проявляется, и выделяемый компонент, который может включаться в класс однородных элементов, но может и не входить в него. Связывая текстовые фрагменты, частицы маркировали определённые виды отношений элемента и класса, а именно – отношения исключения, которые имели следующие конкретные проявления: 1) единственный или незначительный факт утверждался на фоне полного отрицания, причём могли сопоставляться именные, обстоятельственные и предикативные группы: *А праведникъ, уповая, яко левъ рыкая, ходитъ, не имать попеченія ни о чемъ, **только** о Христѣ* (АКнБес, с. 351); 2) единственный или незначительный факт не соответствовал общему утверждению: *Симеонъ! Денги твоего привозу всѣ пропали: **только** три рубли пришло съ пустобородомъ, а то всѣ девяносто рублевъ съгль дїаволь* (АЧел, с. 835); 3) единственный факт не соответствовал другому или другим фактам: *Нѣмцы, вѣдь, иконамъ не кланяются, **только** свои образины пишут <...>* (АЧел, с. 899).

Практическое совпадение семантики частиц и союзов **только** и **лишь** (за исключением случаев, когда они являлись условными или временными союзами) затрудняет их разграничение по частям речи. Сделать вывод о принадлежности лексемы к той или иной части речи можно на основании функционально-семантического анализа контекста, который позволил выявить ряд закономерностей.

Союзы **только** и **лишь** и их модификации употреблялись только в сложных предложениях (как сложносочинённых, так и сложноподчинённых). В сложносочинённых предложениях союзы выполняли следующие функции: 1) соединяли предложения, из которых одно противопоставлялось другому, ограничивая или частично отрицая его; 2) вводили высказывание, объясняющее невозможность осуществления какого-либо действия); 3) присоединяли побудительные предложения, которые могли выражать крайнюю степень желательности, а также вносить значение единственности, исключительности. Если побудительное предложение присоединялось с

помощью союзов *только* или *лишь*, обязательным было употребление глагола повелительного наклонения или инфинитива.

В сложноподчинённых предложениях союзы *только* и *лишь* использовались для присоединения 1) придаточных условных предложений (в современном языке это значение отсутствует): <...> *только бы-де воевода по государеву указу ехаль прямою дорогою, и мы бы-де нужи такие не терпѣли* (АЗап, с. 702); 2) придаточных предложений времени: *Люди голодные: лишьо станут бит(ь), ано и умреть* <...> (АЖит, с.33); 3) предложений, которые представляли собой пояснение, изложение причин того, о чём говорилось в предыдущем предложении (сближались по значению с союзом *потому что*). Усиливался, актуализировался первый компонент высказывания. Очевидное сходство и даже тождественность функций частиц *лишь* и *только* всё же не позволяет сделать однозначный вывод об их синонимичности, а следовательно, и о дублетности. Взаимозаменяемость частиц невозможна в составе частиц *только и (всего), не только что*, в составе союзов *не только (что)..., но и...; если только (аще только)*; в сочетании с частицей *разве* (в функции условного союза) или с отрицательной частицей *не*.

Функциональные, семантические и стилистические особенности союзов *лишь* и *только* настолько сходны, что их можно считать практически эквивалентными. Особое место в системе частей речи занимает слово *разве*.

В центре внимания исследователей находится прежде всего вопросительная функция частицы. Ограничительному значению уделяется значительно меньше внимания, хотя в языке XVII века именно оно было доминирующим для *разве*, так же, как для *только* и *лишь*. Но было бы ошибкой говорить о семантической тождественности частиц и рассматривать только их стилистические различия. Замена одной частицы другими невозможна в следующих случаях: 1. *Разве* не употреблялось для обозначения точного количества, а также в высказываниях, содержащих информацию не о предполагаемом, гипотетическом событии, а об уже свершившемся. 2. Если событие, о котором говорилось в предложении, уже произошло и его достоверность не вызывает сомнения. 3. *Разве* (как и *лишь*) не могло употребляться в контексте иллюстрации, подтверждения введённого ранее тезиса.

В остальном условия употребления *разве* и других ограничительных частиц сходны.

Так же, как частицы *только* и *лишь*, связывая текстовые фрагменты, *разве* маркировала отношения исключения, которые могли иметь различные конкретные проявления: 1) единственный элемент исключался из класса однородных элементов на основании того, что он не обладал свойствами, присущими остальным элементам этого класса; 2) единственный или незначительный факт утверждался на фоне полного отрицания. В этом

случае сопоставлялись или именные, или предикативные, или обстоятельственные группы.

Таким образом, в зависимости от того контекста, в котором употреблялась ограничительная частица, она либо ограничивала множество релевантных объектов “сверху” и осмыслялась в значении “не более, чем”, либо ограничивала соответствующее множество “снизу” и осмыслялась в значении “не менее, чем” (Дискурсивные слова).

Союз *разве* (*только разве*) употреблялся значительно реже и соединял высказывания, связанные условно-противительными отношениями, в то же время сохраняя своеобразие семантики, присущее ограничительным частицам. Семантика исключения прослеживалась в значении и употреблении *разве* вопросительного. Основные случаи употребления *разве* вопросительного таковы: 1) в риторических вопросах для выражения уверенности в противоположном ответе. Предложение с частицей *разве* использовалось в качестве отрицания возможности обсуждаемой ситуации. 2) в значении, скорее соответствующем современному *неужели*. Описываемая ситуация представлялась автору невероятной, невозможной, а частица служила для выражения недоверия, сомнения. 3. Говорящий выражал удивление по поводу сложившейся ситуации, так как он считал, что эта ситуация не должна была иметь место.

Во втором разделе «Другие “манифестации выделительно-ограничительных лексем русского языка XVII века» описывается употребление слов *только, разве, лишь* в функции

1) предлога (в современном русском языке это значение отсутствует): *Яко егда сърячеши ближняго своего, почъсти и лише мѣры* (СлРЯ 11–17, с. 259); *Небойся никово, токмо Христа!* (АКнБес, с.406); *Не имать бо сличія чловѣкъ къ Богу, ни по души, ни по чему иному, развъ гласа, святыи рече* (АКнОбл, с. 612);

2) наречия: <...> *нехотя все побрел один, тащилъся с версту, да и повалился, только не смогу* (АЖит, с.74); *Трепаревъ же не молвити чашамъ в пиру, лише три <...>, и лише не велим* (СлРЯ 11–17, с.259).

В **Выводах** результаты исследования обобщены и представлены в виде ряда положений, представляющихся важнейшими.

В языке XVII века для выражения “субъективно-модальных характеристик и оценок сообщения” (АГ-80) в основном употреблялись усилительные и выделительно-ограничительные частицы, которые использовались в различных позициях и выполняли разные функции. Анализ лексико-семантических свойств частиц позволил выявить следующие закономерности:

1. Для выражения усилительного значения в основном использовались частицы *и, же, да, ведь, бо, вот*. Усилительные частицы находились, как правило, в препозиции к слову, значение которого усиливалось или выделялось, но могли располагаться и после выделяемого слова (*бо, ведь, и* в

значении *именно*), употреблялись как контактно, так и дистантно. Исключение составляла частица *же*, которая всегда находилась в постпозиции к выделяемому слову.

2. Термин “усилительная частица” не отражает всего многообразия выполняемых ею функций. В исследуемом материале зафиксированы различные оттенки значений усилительных частиц (аргументативность, побудительность и т. д.), а также случаи совмещения значений.

3. Функции частиц тесно связаны с союзами. Частица *же* выполняла сопоставительную функцию, Частицы *же, ведь, бо* осуществляли так называемую аргументативную функцию. В древнерусском языке, как и в современном, выявлены два варианта аргументации – “за” и “против”.

4. Употребление выделительно-ограничительных частиц предполагает наличие какой-то ситуации, информации, которая имела место раньше. В контексте, порождающем ограничительное значение, обязательны два компонента: фон, на котором это значение проявляется, и выделяемый компонент, который может включаться в класс однородных элементов, но может и не входить в него. Отношения исключения, которые маркируют выделительно-ограничительные частицы, имеют следующие конкретные проявления: а) единственный или незначительный факт утверждается на фоне полного отрицания; б) единственный (или незначительный) факт не соответствует общему утверждению; в) единственный факт не соответствует другому или другим фактам.

5. Союзы *только* и *лишь* и их модификации употреблялись только в сложных предложениях (как сложносочинённых, так и сложноподчинённых). В сложносочинённых предложениях союзы 1) соединяли предложения, из которых одно противопоставлялось другому, ограничивая или частично отрицая его; 2) вводили высказывание, объясняющее невозможность осуществления какого-либо действия); 3) присоединяли побудительные предложения. В сложноподчинённых предложениях союзы *только* и *лишь* используются для присоединения 1) придаточных условных предложений (в современном языке это значение отсутствует); 2) придаточных предложений времени; 3) предложений, которые представляли собой пояснение, изложение причин того, о чём говорилось в предыдущем предложении (сближались по значению с союзом *потому что*). Очевидное сходство функций, выполняемых частицами *только* и *лишь*, всё же не позволяет сделать однозначный вывод об их дублетности. Взаимозаменяемость частиц невозможна а) в составе частиц *только и (всего), не только что*; б) в составе союзов *не только (что)..., но и...; если только (аще только)*; д) в сочетании с частицей *разве* – в функции условного союза; е) с отрицательной частицей *не*. Значения лексем *только* и *лишь* в функции наречия и предлога, с одной стороны, и частицы и союза, с другой, не пересекаются. Видимо, их следует рассматривать как проявление грамматической омонимии.

6. Анализ семантики и функций усилительных и выделительно-ограничительных частиц позволяет сделать вывод об их многофункциональности. Наряду с основным, частицы вносят множество дополнительных значений, выполняют различные синтаксические функции, а также придают высказыванию эмоционально-экспрессивную окраску. Для исследования семантического и функционального многообразия частиц необходимо привлечение не только микро-, но и макроконтраста.

В **Приложении** представлен образец лексикографии частицы, учитывающий имеющиеся в других источниках описания и обнаруженные нами особенности. Кроме того, он представляет собой попытку объединения традиционного и нового подходов к представлению семантических свойств дискурсивных слов.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах автора:

1. Калинин В. М., Шокотько Л. Е. Фразеологизированные частицы. Функциональный и методический аспекты. Статья деп. в ИНИОН АН СССР 31.07.07. № 45127. (В соавторстве)
2. Шокотько Л. Е. Частицы в “крестьянских стихах” Н. А. Некрасова [Текст] / Л. Е. Шокотько // V Некрасовские чтения. Тезисы выступлений. – Ярославль, 1990. – С. 165–166.
3. Калинин В. М., Шокотько Л. Е. Функционирование и семантизация фразеологизированных частиц в практике преподавания русского языка [Текст] / В. М. Калинин, Л. Е. Шокотько // Основные направления и методы гуманитаризации подготовки специалистов для зарубежных стран (научно-методическое пособие) – Одесса, 1991. (В соавторстве)
4. Калинин В. М., Шокотько Л. Е. Функционирование частиц в художественной литературе и методика их семантизации [Текст] / В. М. Калинин, Л. Е. Шокотько // Философские и естественно-научные аспекты антропологии. Санкт-Петербург – Донецк, 1992. – С. 7–12. (В соавторстве)
5. Шокотько Л. Е. Функционирование частиц в поэтике старообрядческой литературы (на материале «Жития протопопа Аввакума») [Текст] / Л. Е. Шокотько // Философские и естественно-научные аспекты антропологии. Санкт-Петербург – Донецк, 1992. – С. 13–14.
6. Калинин В. М., Шокотько Л. Е. Фразеологизированные частицы: структура, функции, особенности употребления [Текст] / В. М. Калинин, Л. Е. Шокотько // Философские и естественно-научные аспекты антропологии. Санкт-Петербург – Донецк, 1992. – С. 17–18. (В соавторстве)
7. Шокотько Л. Е. Функционирование частиц речи-транспозитов (на материале древнерусской литературы) [Текст] / Л. Е. Шокотько //

- Философские и естественно-научные аспекты антропологии. Санкт-Петербург – Донецк, 1992. – С. 19–22.
8. Шокотько Л. Е. Семантические и функциональные особенности усилительных частиц (на материале житийной литературы XVII века) [Текст] / Л. Е. Шокотько // Филологические исследования. Вып. I. – Донецк, 1999. – С. 346–352.
 9. Шокотько Л. Е. Дискурсивное слово “же” варьирование (на материале житийной литературы XVII века) [Текст] / Л. Е. Шокотько // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. VII. – Донецк, 2001. – С. 282–291.
 10. Шокотько Л. Е. Аргументативные значения дискурсивного слова “ведь” (на материале языка XVII века). [Текст] / Л. Е. Шокотько // Филологические исследования. Вып. V. – Донецк, 2002. – С. 333–343.
 11. Калинин В. М., Шокотько Л. Е. Функционирование фразеологизированных частиц в художественной литературе и особенности их семантизации в иностранной аудитории [Текст] / В. М. Калинин, Л. Е. Шокотько // Вторая Международная периодическая научно-практическая конференция «Спецпроект: анализ научных исследований» (Сборник докладов. Т. 2). – Днепропетровск, 2005. – С. 81–84. (В соавторстве)
 12. Шокотько Л. Е. Функциональные и стилистические особенности частиц в поэтике старообрядческой литературы (на материале «Жития протопопа Аввакума») [Текст] / Л. Е. Шокотько // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Розвиток наукових досліджень 2005», Том 4. – Полтава, 2005. – С. 148–150.
 13. Шокотько Л. Е. Частица или союз? Морфология или синтаксис? (на материале произведений старообрядческой литературы) [Текст] / Л. Е. Шокотько // Вторая Международная периодическая научно-практическая конференция «Альянс наук: учёный – учёному» (Сборник научных работ). Т. 2. -Днепропетровск, 2005. – С. 37–39.
 14. Шокотько Л. Е. Семантико-синтаксические проявления усилительных частиц (на материале «Жития протопопа Аввакума») [Текст] / Л. Е. Шокотько // Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції «Дні науки – 2006». Том 19. Філологічні науки. – Дніпропетровськ: Наука і освіта, 2006. – С. 73–74.
 15. Шокотько Л. Е. Особенности функционирования частицы *только* в древнерусской литературе [Текст] / Л. Е. Шокотько // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. десятый. – Донецк, 2006. – С. 424–430.
 16. Шокотько Л. Е. Из истории изучения частиц (по материалам грамматик XVI-XVIII вв.) [Текст] / Л. Е. Шокотько // Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції «Сучасні наукові дослідження –

- 2006». Том 40. Філологічні науки. -Дніпропетровськ: Наука і освіта, 2006. – С. 46–48.
- 17.Шокотько Л. Е. Функционирование частицы *только* в памятниках древнерусской литературы [Текст] / Л. Е. Шокотько // Мова і культура. (Науковий журнал). – Київ, 2007. – Випуск 9. Том III (91). Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту. С. 334–338.
 - 18.Шокотько Л. Е. Особенности функционирования частицы *разве* в языке древнерусской литературы [Текст] / Л. Е. Шокотько // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. тринадцатый. – Донецк, 2009. – С. 246–256.
 - 19.Шокотько Л. Е. Ограничительное значение слова *один* (на материале «Жития протопопа Аввакума») [Текст] / Л. Е. Шокотько // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований – 2010». – Одесса, 2010. – С. 18–19.
 - 20.Шокотько Л. Е. Функционирование усилительных частиц в языке древнерусской литературы [Текст] / Л. Е. Шокотько // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры: Материалы IV Международной научно-практической конференции. 23 августа 2013 г. – Краснодар, 2013. – С. 144–148.
 - 21.Шокотько Л. Е. Союзные функции усилительных частиц в языке древнерусской литературы [Текст] / Л. Е. Шокотько // Мова і культура. (Наукове видання). – Київ, 2013. – Випуск 16. – Том III (165). Національні мови і культури в їх специфіці та взаємодії. – С. 151–157.
 - 22.Шокотько Л. Е. Союзные функции выделительно-ограничительных частиц в языке древнерусской литературы [Текст] / Л. Е. Шокотько // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. пятнадцатый. – Донецк, 2014. – С. 128–139.
 - 23.Шокотько Л. Е. Особенности употребления усилительных частиц в языке древнерусской литературы (на материале «Жития протопопа Аввакума») [Текст] / Л. Е. Шокотько // Филологические исследования: [сборник научных трудов] / [Отв. редактор В. В. Федоров] – Вып. 15. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2016. – С. 302–308.

АННОТАЦИЯ

Шокотько Л. Е. Служебные слова (частицы и союзы) в русском языке XVII века. – Рукопись.

Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. – ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк, 2017.

Диссертационная работа посвящена исследованию функционально-семантических особенностей усилительных и выделительно-ограничительных частиц и их трансформаций как представителей категории

служебных слов русского языка XVII века. В работе описаны позиционные характеристики частиц, выявлены и проанализированы основные и дополнительные значения, вносимые ими в высказывание. Кроме значений, зафиксированных в словарях, изучены семантико-синтаксические вариации лексем, которые могли функционировать как собственно частицы, частицы с союзной функцией и союзы. Отмечены случаи употребления исследуемых языковых единиц в значениях, отсутствующих в современном русском языке.

Ключевые слова: частица, союзная функция, союз, усилительное значение, ограничительное значение, аргументативная функция, элемент, множество.

АНОТАЦІЯ

Шокотько Л. Є. Службові слова (частки й сполучники) у російській мові XVII століття. – Рукопис.

Дисертація на здобуття вченого ступеню кандидата філологічних наук за спеціальністю 10.02.01 – російська мова. – ДООЗ ВПО. – Донецьк, 2017.

Дисертаційна робота присвячена дослідженню функціонально-семантичних особливостей підсилюючих та виділитільно-обмежувальних часток і їхніх трансформацій як представників категорії службових слів російської мови XVII століття. У роботі описані позиційні характеристики часток, виявлені й проаналізовані основні й додаткові значення, які вносяться ними у висловлювання. Окрім значень, зафіксованих у словниках, досліджені семантико-синтаксичні варіації лексем, які могли функціонувати як власне частки, частки із сполучниковою функцією та сполучники. Відзначені випадки використання мовних одиниць, що досліджувалися, у значеннях, які відсутні в сучасній російській мові.

Ключові слова: частка, сполучникова функція, сполучник, підсилювальне значення, обмежувальне значення, аргументативна функція, елемент, множина.

SUMMARY

Shokotko L. Ye. Functional words (particles and conjunctions) in the Russian language of the XVII century. – The manuscript.

Thesis to obtain the degree of Candidate of Philological Science on specialty 10.02.01 – Russian language. – State Educational Institution of a Higher Professional Education “Donetsk National University”. – Donetsk, 2017.

The thesis is devoted to investigation of functional-semantic features of emphatic and excretory-restrictive particles and their transformations as representatives of the category of functional words in the Russian language of the XVII century. The paper describes positional characteristics of the particles, identifies and analyzes the main and additional values made by them in the statement. In addition to the values fixed in dictionaries, semantic and syntactic variations of lexemes that can function as particles, particles with a function of a conjunction and conjunctions are studied. Usage cases of the studied language units in their meanings missing in the modern Russian language are marked.

Keywords: particle, function of conjunction, conjunction, emphatic meaning, excretory-restrictive meaning, argumentation meaning, element, variety.

Подписано в печать 25.12.2016.

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 1,3.

Печать лазерная. Заказ № 111. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ДонНМУ им. М. Горького.

283003, г. Донецк, пр. Ильича, 16,

тел. +3 (099) 364-33-13, [http://adminstig@gmail.com](mailto:adminstig@gmail.com)